

УДК 911.3.32 (470+571)

А. Г. Дружинин

**МУНИЦИПАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ:
ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

5

Северо-Кавказский НИИ экономических и социальных проблем
Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия
Институт географии РАН, Москва, Россия
Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, Москва, Россия

Поступила в редакцию 11.05.2023 г.

Принята к публикации 18.06.2023 г.

doi: 10.5922/gikbfu-2023-2-1

Для цитирования: Дружинин А. Г. Муниципальное развитие в современной России: геополитический аспект // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Естественные и медицинские науки. 2023. №2. С. 5–17. doi: 10.5922/gikbfu-2023-2-1.

Современная трансформация миропорядка и новое место в нем России, порождающее для страны дополнительные проблемные ситуации и вызовы, требующие взвешенных, территориально адаптированных решений, инициируют «муниципализацию» подходов как в общественно-географических, регионоведческих исследованиях, так и в сфере государственного регулирования пространственного развития. В самой муниципальной тематике на первый план при этом выходят вопросы, связанные с геополитикой. В статье излагаются общетеоретические представления о геополитических аспектах муниципального развития (с обособлением их содержательного блока, сопряженного непосредственно с «внутренней геополитикой»), проведена их инвентаризация и систематизация (с учетом особой роли отдельных муниципалитетов и их группировок в геополитических процессах, общего трендового смещения фокуса политико-географических, социально-экономических и этнодемографических проблем на муниципальный уровень, а также многоаспектного влияния геополитики на положение муниципальных образований). Особое внимание уделено детерминантам и конкретным проблемным ситуациям муниципального развития в Российской Федерации в условиях резко обострившегося конфликта с «коллективным Западом» и перехода к геостратегической многовекторности. Разработано концептуальное представление о «геостратегических муниципальных образованиях», охарактеризованы их основные присущие современной России типологические инварианты.

Ключевые слова: муниципалитеты, пространственное развитие, типология муниципалитетов, геополитика, Россия

Введение

Для отечественной социально-экономической географии понимание многоуровневости (полимасштабности) собственной предметной сферы (когда «мир = миры» [26, с. 17]), равно как и обусловленное этим внимание к структурам и процессам на местном (локальном) уровне — столь же традиционно (воплощено в фундаментальных идеях и подходах наших выдающихся предшественников и учителей Н. Н. Баранского, О. А. Константинова, Е. Е. Лейзеровича, И. М. Маергойза, В. В. Покшишевского, Ю. Г. Саушкина и др.), сколь и неизменно приоритетно. Характерно при этом, что актуализация соответствующих исследований наибольшим образом проявлялась именно в трансформационные, подчас весьма сложные периоды нашей национальной истории, ознаменованные глубинными и практически повсеместными метаморфозами в пространственной организации общества.

Так, в 1920-е гг. в русле и логике послереволюционной радикальной перестройки административно-территориального деления, реализуемого во многом в связи с решением задач экономического районирования и социокультурного развития территорий [20], активно выкристаллизовывались идеи о «местных», «низовых» экономико-географических условиях и структурах [1]. В 1950-е гг. новый виток интереса к феноменам микроуровня («первичным объектам», по определению Ю. Г. Саушкина [22]) оказался в существенной мере инициирован переориентацией внимания научного сообщества на города, систему расселения. В постсоветский период объективно возникший запрос на более глубокие и детализированные микрогеографические исследования (их «миниатюризацию» [14]) был сопряжен с формированием института местного самоуправления, нормативно дистанцированного от системы органов государственной власти¹.

Спустя три истекших десятилетия в условиях, когда внешние вызовы в очередной раз резко возросли, а позитивный ответ на них Российской Федерации оказался практически немислим вне выстраивания обновленной национальной географической картины мира [6], равно как и дальнейшей консолидации российского пространства, инвентаризации и эффективного использования ресурсного потенциала всех его составляющих, их хозяйственного и социокультурного развития, вопросы микрогеографического анализа, его приоритетов и инструментария вновь неизбежно выходят на авансцену. Пока лишь наметившаяся, но (как это уже ранее подчеркивалось [8; 15]) крайне необходимая «муниципализация» общественно-географических подходов при этом не может оставаться в стороне от столь же критически важного осмысления, меняющегося глобального экономического и политического контекста, от учета резко возросшего влияния геополитических обстоя-

¹ Конституция Российской Федерации с изменениями 2022 года // Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации. URL: <http://duma.gov.ru/news/55446/> (дата обращения: 26.02.2023).

тельств на все без исключения стороны и уровни пространственной социально-экономической динамики. Цель статьи состоит в концептуальном обосновании геополитических аспектов муниципальной (местной) тематики, в вычленении особенностей и следствий воздействия «фактора геополитики» на муниципальное развитие в современной России, а также в выстраивании на этой основе соответствующей типологии.

Геополитические аспекты пространственного развития на муниципальном (местном) уровне: концептуальный подход

Наработанное современной наукой сущностное понимание геополитики объемно, многогранно и подчас весьма аморфно и расплывчато [9; 13; 18; 25]. В полноформатном виде геополитику рассматривают как «соперничество сил над территорией» [31], что, как видится, в расширительном инварианте применительно к общественно-географической специфике может также быть осмыслено как триединство:

1) соперничества территорий (территориальных общностей, их политических и экономических элит) за территории в разнородной, пространственно стратифицированной (по «вертикали» и «горизонтали»), подверженной динамике благодаря внешним и внутренним факторам и обстоятельствам среде;

2) соперничества в территориях (от отдельных микроареалов до крупных макрорегионов и универсума в целом);

3) геополитической конкуренции благодаря территориям «своим» для конкретного «центра силы» и интегрированным с ними, союзническим, зависимым (их позиции, конфигурации, ресурсному потенциалу, степени социально-экономической освоенности и связанности, политико-географической и этнокультурной целостности и др.) и с одновременной же проекцией геополитики на территории (когда международная архитектура и соответствующее противостояние выступают фактическим фактором территориального развития, а последнее обретает некие «геополитические экстерналии»).

В концептуальном плане изложенная вариация подходов призвана базироваться на осмыслении принципиальной сопряженности геополитических процессов и пространственной организации общества, причем абсолютно на всех иерархических уровнях. Ключевой здесь выступает именно категория «территория» (наряду с акваторией, морскими и океаническими пространствами [5]), изначально предельно сближающая предметно-объектные области геополитики и общественной географии. Интеграция этих родственных (но до конца не тождественных друг другу) интеллектуально-исследовательских сфер и проектов осуществляется в русле как уже наметившейся «геополитизации» общественной географии (чью возможность и необходимость еще в середине 1990-х гг. пророчески постулировал С.Б. Лавров [17]), так и разворачивающейся последовательной своего рода «территориализации» геополитических идей, то есть распространения соответствующих подходов не только на традиционную для геополитики сферу межстрановых отношений, но и на таксоны более низкого ранга, в том числе

обособленные части государств (регионы) либо отдельные города (в первую очередь крупнейшие, «глобальные» [30]). Иллюстрацией этого процесса является аспектное развитие так называемой «городской геополитики» (urban geopolitics) [28; 32], а также «геополитики региональных взаимоотношений» (geopolitics regional relations / cooperation) [29; 33]. Собственно же в российской науке в этом русле в последние годы симптоматичным образом культивируются представления о так называемой «внутренней геополитике» конкретных государств (включая Россию [10]), озвучиваются представления о «геополитическом положении» территории (города [4]), осмысливается некая «геополитическая детерминанта» пространственного развития [8].

Концептуальное значение для проекции геополитических подходов на сферу пространственной социально-экономической динамики имеет также рассмотрение микрогеографических исследований как все более приоритетных, фактически базовых (реализуемых в том числе в рамках «муниципализации» общественной географии [6]). Лимитирующим обстоятельством (требующим учета и мер по преодолению) в этом случае выступает множественность муниципальных образований, их «разновесность» в геополитических процессах, информационные сложности и дефициты, а также «колея» исследовательской традиции.

Оказываясь инкорпорируемыми (в том числе когнитивно, ментально) в систему геополитики, муниципальные образования одновременно выступают:

1) ее предельно дробным объектом, плотно включенным в общую политико-географическую (административно-территориальную) архитектуру государства и его конкретного региона;

2) микросубъектом с противоречивым сочетанием «легковесности» присущего им геополитического потенциала и одновременной возможностью (при определенных условиях) оказания «точечного», моментами массивованного воздействия (в первую очередь — информационного, имиджевого, инфраструктурного, логистического) на чувствительные области международных отношений;

3) специфической, предельно стратифицированной, неоднородной по своим характеристикам пространственной средой развертывания геополитических процессов, формирования соответствующих структур и отношений;

4) одной из результирующих геополитики, в каких-то ситуациях ее бенефициаром, в иных (что более распространено) — реципиентом, подчас «жертвой».

Следует подчеркнуть, что опосредованно как особый геополитический феномен должен рассматриваться и сам по себе весь муниципальный уровень пространственной организации, а любого рода трансформации муниципальных образований (статус, полномочия, ресурсы, границы, демографическая динамика, экономические пропорции и др.) необходимо анализировать в контексте взаимодействия множественных (и разноуровневых) «центров силы», а также формируемых ими «силовых полей» и «ареалов соперничества».

Существенными для конкретного муниципального образования здесь оказываются прежде всего такие его параметрические характеристики, как многообразно понимаемая и оцениваемая (расстояние, экономика, инфраструктура, культура) близость (удаленность) к геополитически значимой «силе» (включая аспекты приграничного, приморского положения) инкорпорированность в соответствующее «силовое поле», равно как и позиция на взаимном пересечении нескольких из них (порождающая латентный либо явный, актуализированный конфликт, в свою очередь видоизменяющий не только геополитическую значимость конкретных территорий, но и общую пространственную конфигурацию противоборства сторон). Не менее существенны также резильентность и, соответственно, уязвимость к внешнему геополитическому воздействию и эффектам (проявлениям, в том числе экстерналиям) международного (глобального) соперничества.

9

Все перечисленное являет собой, впрочем, лишь внешний (собственно геополитический) пласт муниципальной тематики. Глубинная (и более фундаментальная, в своей основе общественно-географическая) его сторона связана со значимыми для геополитики вопросами экономического, социально-демографического и этнокультурного развития в фактическом контуре муниципальных образований, с геополитической логикой (и мотивацией) опережающей (либо, напротив, запаздывающей) динамики тех или групп муниципалитетов (в том числе территориально обособленных, обладающих пространственной спецификой). Ее познание связано с геополитически сфокусированной разработкой концепта «муниципальное развитие», понимаемого (если опираться на ранее уже осмысленную категорию «пространственное развитие» [7]), с одной стороны, как более полновесное «присутствие» муниципального управления в политико-территориальной системе государства (и, соответственно, в его «внутренней геополитике»), а с другой — как позитивный, целесообразный, предпочтительный с учетом собственных геополитических возможностей и интересов страны тренд трансформации ее пространственных (на местном, «низовом» уровне) социально-экономических структур и пропорций.

Геополитическая поливариантность условий и особенностей муниципального развития в России в условиях современного переформатирования миропорядка

В Российской Федерации местный («низовой») уровень управления представлен (на 1 января 2022 г. [21]) 19675 муниципалитетами, включая в том числе 1544 муниципальных района, 608 городских округов и 180 муниципальных округов (в их «основании» — 15742 сельских и 1307 городских поселений, а также 267 внутригородских муниципальных образований). Кроме того, сеткой административно-территориального деления на местном уровне располагают и новые российские регионы (ДНР, ЛНР, Запорожская и Херсонская области). Вся эта масштабная и лишь относительно устойчивая (подверженная неоднократным преобразованиям [3]) двухзвенная структура отличается чрезвы-

чайной разнородностью своих компонент, в том числе в связи с меняющимися (особенно стремительно – с февраля 2022 г.) внешними обстоятельствами.

Спецификой современной России является не только фактическая множественность муниципальных образований, дополняемая неравнозначностью присущих им природно-климатических условий, степени заселенности и хозяйственной освоенности, бюджетно-финансовых возможностей, но и существенное (в силу «многососедства» страны [24], протяженности ее порубежья [19], локализации ключевых отраслей хозяйства и объектов инфраструктуры [12], транспортно-логистических коридоров [23], региональных особенностей новой и новейшей истории и др.), стремительно возросшее (в связи с глобальной турбулентностью, переформатированием внешнеполитических и внешнеэкономических связей, а также поиском российским обществом своей обновленной культурной и геополитической идентичности) число (и доля) геополитически значимых, напрямую вовлеченных в соответствующие процессы муниципалитетов (опираясь на подход «Стратегии пространственного развития Российской Федерации до 2025 года», по аналогии с региональным уровнем их можно идентифицировать как геостратегические, то есть наиболее значимые для геополитики Российской Федерации, вопросов нашей национальной безопасности в позиционном, военно-стратегическом, ресурсно-хозяйственном, транспортно-логистическом, социокультурном, имиджевом и иных отношениях).

Особо приоритетное место в их ряду занимают муниципалитеты с предельно четко выраженной (на общероссийском фоне) геополитической спецификой, существенно влияющей на их текущее (равно как и среднесрочное) развитие. Ситуация на этих территориях, само их наличие в российской юрисдикции для отечественной геополитики выступают, в свою очередь, одним из системообразующих факторов; присутствует соответствующая тематика и в мировой повестке. Все это позволяет вести речь о геостратегической приоритетности данных муниципальных образований, классифицировать их как геополитически наиболее проблемные, подразделяемые на две отчасти «взаимопересекающиеся» подгруппы.

Первая объединяет российские муниципальные структуры, функционирующие и организуемые на территориях, активно и последовательно «оспариваемых» нашими геополитическими оппонентами. Здесь имеется в виду прежде всего бывшее украинское порубежье (сюда же уместно отнести 289 муниципальных образований Республики Крым и г. Севастополя), но в аналогичном качестве (в геополитическом диалоге с Японией) выступают и Курильские острова, подразделяемые на Курильский, Северо-Курильский и Южно-Курильский районы.

Идентификация второй «смежной» подгруппы (муниципальные образования в полосе военно-силового противостояния) определяется фактической динамикой конфигурации театра разворачивающихся военных действий, охватывающего в настоящее время не только новые российские муниципалитеты (частично остающиеся вне политико-силового контроля РФ), но и приграничные с Украиной территории Бел-

городской, Брянской и Курской областей. При этом именно в новых субъектах РФ, чье местное самоуправление с 19 октября 2022 г. реализуется в условиях действующего военного положения², муниципальная конструкция разнородна (являя «разлом» между российской, обновленной версией муниципальных границ³ и сеткой административно-территориального деления Украины, в своем измененном виде действующей с 2020 г.) и пластична, напрямую зависит от военно-оперативной обстановки.

Геостратегическое значение наряду с вышеназванными имеют все без исключения муниципальные образования, составляющие внешний контур государственных границ Российской Федерации. Социально-экономическое развитие на данных территориях отчасти ограничено режимом пограничной зоны (с особыми условиями доступа, пребывания, хозяйственной деятельности⁴), отчасти инициировано связанным с приграничным положением функционалом. Новый международный контекст, расширяя мотивацию к наращиванию хозяйственной и гуманитарной при- и трансграничной «контактности» в южном и юго-восточном секторах российских рубежей (придавая соответствующим муниципалитетам возможность обрести дополнительные свойства «коммуникационных коридоров», «ареалов сотрудничества»), одновременно на «европейском» направлении (в том числе на Балтике) позволяет обособить муниципальные образования с резко возросшей геополитически обусловленной барьерностью, являющиеся частично проблемными, требующими специального дополнительного внимания и антикризисных, «замещающих» мер в рамках региональной политики.

Особо существенной в пространственной архитектуре видится роль собственно приморских муниципалитетов, чье наличие в соответствии с Конвенцией ООН по морскому праву⁵ предопределяет важнейшие параметры государства с точки зрения «морской геополитики»: сектор принадлежащего России территориального моря и исключительной экономической зоны.

Противостояние России с «коллективным Западом» (столь же тотальное, сколь и, очевидно, пролонгированное) дает основание классифицировать как «геостратегические» и сугубо «внутриконтинентальные» муниципалитеты (и их локализованные интегрированные группировки), выступающие не только центрами геостратегического доми-

² Указ о введении военного положения на территориях ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей. 19.10.2022 // Президент России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/69631> (дата обращения: 28.04.2023).

³ В ДНР закон об административно-территориальном устройстве принят 17 апреля 2023 г., в ЛНР – 14 апреля 2023 г., в Запорожской области – 3 марта 2023 г., в Херсонской области – 8 июля 2022 г.

⁴ Об утверждении Правил пограничного режима : приказ ФСБ России от 7 августа 2017 г. №454. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71659826/> (дата обращения: 28.04.2023).

⁵ Конвенция ООН по морскому праву. URL: un.org/ru/documents/deck_conv/conventrons/lawsea.shtml (дата обращения: 28.04.2023).

нирования (включая общевразийски значимый кластер «московско-подмосковных» муниципальных образований), но и своего рода «опорными базами» (если воспользоваться этим терминологическим конструктом, введенным в оборот более столетия назад В.П. Семёновым-Тян-Шанским) развития страны и ее основных макрорегионов, хозяйственными (и не только) донорами и «драйверами» в том числе геополитического противостояния (их корректная инвентаризация в качестве «перспективных центров экономического роста» представлена в «Стратегии пространственного развития Российской Федерации до 2025 года»⁶).

Самостоятельное геостратегическое значение обретают и муниципальные образования с присутствием предприятий оборонно-промышленного комплекса. В условиях СВО в масштабе страны повышается вес и любого рода иных муниципалитетов с ощутимой долей в их структуре (территориальной, демографической, потребительской) военной составляющей (пункты постоянной дислокации воинских частей и соединений, военные полигоны и др.).

Специфическое (а также потенциально важное) положение в геополитике занимают и территории с выраженной, рельефно проявляющейся именно на муниципальном уровне этничностью (с соответствующими этноконфессиональными характеристиками). Проблемны (в плане соперничества сил) и периферийные, слабоосвоенные, испытывающие депопуляцию ареалы (особым образом — на востоке и севере страны). Весь обширнейший и разнородный массив муниципальных образований в итоге демонстрирует свою геополитическую обусловленность и потенциал, будучи стратифицируемым (и типологизируемым, что составляет одну из приоритетных общественно-географических задач) в координатах «значимости — проблемности».

Муниципальный аспект в пространственном развитии современной России: геополитические приоритеты

Наша национальная перспектива (в том числе в своих пространственных, общественно-географических аспектах) — поливариантна и противоречива. Глобальные тренды предопределяют очевидный акцент на большую территориальную справедливость в российском обществе, на приоритет социально-экономического выравнивания, на противодействие дальнейшему «сжатию» освоенного пространства. Но они же (иной их аспект) требуют ускоренной мобилизации ресурсов (на оборону, научно-технологические прорывы, крупные, «перекраивающие» архитектуру пространства инфраструктурные проекты и др.), равно как и снижения совокупных издержек (в том числе на факторе труда, на экологию), дополняемого отказом государства и корпораций

⁶ Стратегия пространственного развития Российской Федерации до 2025 года : распоряжение Правительства РФ от 13 февраля 2019 г. №207-р. URL: <http://static.government.ru/media/files/UVA1qUfT08o60RktoOXI22JjAe7irNxc.pdf> (дата обращения: 29.04.2023).

от всего заведомо затратного и неэффективного. В этих условиях фундаментальная и практически неразрешимая в современной пространственной динамике страны дилемма — территориальная концентрация, поддержка сильных регионов и муниципалитетов либо, напротив, смещение акцентов на слабых (или «средняков» [16]) и, соответственно, рассредоточение социально-экономических возможностей и активности, полагаем, в целом не претерпит существенных перебалансировок, изменений. Стратегический выход здесь следует искать, ориентируясь на сложную, мозаичную структуру российского пространства, вмещающую многоаспектные пространственные дихотомии («город — село», «море — суша», «центр — периферия», «север — юг», «основной ареал расселения русских — иноэтнические территории» и др.), заключающиеся в них (и пока лишь частично реализованные) возможности.

Устойчивость (столь необходимая в период, несущий человечеству «невиданные перемены, неслыханные мятежи» [11]) предполагает динамизм и эффективность. Важнейшим условием ее достижения является, безусловно, придание позитивной ритмики (задействование ресурсного потенциала) максимально возможной части российских территорий, прежде всего таксонов муниципального, поселенного уровня. Это предполагает последовательную континуализацию пространства муниципального развития (интеграцию его отдельных, подчас разнородных компонент).

В условиях продуцируемой глобальным контекстом практической экзистенциальной угрозы для российской государственности важнейшим внутренним геополитическим ориентиром становится именно общая территориальная интегрированность российских муниципальных структур (вне зависимости от их региональной принадлежности и этнодемографической специфики). С учетом этого обстоятельства проблематика муниципального развития должна обретать отчетливый межмуниципальный (и межрегиональный) аспект, разрабатываться и реализовываться в единстве с вопросами пространственного развития всего российского общества.

Геополитическое измерение имеют ныне и множественные локальные «провалы» в муниципальном развитии (в особой мере на «национальных» территориях, к каковым, в частности, согласно оценкам [2], относится до трети всей Восточной Сибири, справедливо рассматриваемой [27] в качестве одного из узловых конструкторов российской евразийской геополитики). Обязательного учета (по возможности и частичного преодоления) требует при этом имеющий место диссонанс между императивом поступательного формирования муниципального самоуправления (включая расширение его воспроизводственной, бюджетно-налоговой базы) и централизацией ресурсов страны в интересах отдельных категорий и групп муниципалитетов, равно как и в целом решения общенациональных геополитических, геоэкономических, научно-технологических и военных задач.

Заключение

1. Геополитические процессы представляют собой многоаспектное действие в том числе на микроуровне пространственной организации общества, а муниципальные образования (выступающие в качестве его первичных «ячеек») обладают способностью корректировать геополитику, лимитировать (продуцировать) ее возможности.

2. Муниципалитеты (административно-территориальные структуры низового уровня) выступают не только объектом геополитики, но и ее диверсифицированным и рассредоточенным микросубъектом, а также пространственной средой развертывания геополитических процессов, одной из их результирующих.

3. Современной России присуще резко возросшее число (и доля) напрямую вовлеченных в геополитические процессы муниципалитетов, которые в рамках процедуры типологизации уместно определить как геостратегические.

4. Проблематика муниципального развития должна выстраиваться с учетом фактора геополитики, разрабатываться и реализовываться в единстве с вопросами пространственного развития всего российского общества и, обретая отчетливый межмуниципальный (и межрегиональный) аспект, фокусироваться на достижение устойчивой и эффективной интегрированности российских муниципальных структур.

5. Текущие глобальные и евразийские процессы ставят перед российской общественной географией масштабные задачи дальнейшей сопряженной геополитизации и муниципализации научной повестки и исследовательского инструментария.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №23-18-00180 «Поливариантность детерминант и трендов экономической динамики муниципальных образований России: концептуализация, идентификация и типологизация в интересах государственного регулирования пространственного развития») в Институте народнохозяйственного прогнозирования РАН.

Список литературы

1. Баранский Н.Н. Очередные задачи географии // Известия Всесоюзного географического общества. 1957. №1. С. 36–43.
2. Безруков Л.А., Размахнина Ю.С. Трансформация этнического состава населения Восточной Сибири: постсоветские тенденции // География и природные ресурсы. 2021. Т. 42, №3. С. 45–54.
3. Глейзер О.Б., Бородина Т.Л., Артоболевский С.С. Реформа местного самоуправления и административно-территориальное устройство субъектов РФ // Известия РАН. Сер. географическая. 2008. №5. С. 61–64.
4. Гресь Р.А. Геополитическое положение города: понятие, фундаментальные вопросы и оценка // Политическая география и геополитика в России: исторический опыт и современность : матер. Междунар. науч. конф., посвященной 150-летию со дня рождения выдающегося российского географа В.П. Семёнова-Тян-Шанского. СПб., 2021. С. 406–416.

5. Дружинин А.Г. «Морская составляющая» современной российской геополитики: детерминанты, приоритеты, эффекты // Социально-экономическая география. Вестник АРГО. 2020. №9. С. 4–18.
6. Дружинин А.Г. Развитие российской общественной географии: современные вызовы и опыт прошлого // Географический вестник. 2022. №2 (61). С. 17–33.
7. Дружинин А.Г., Кузнецова О.В. Учет «фактора моря» в федеральном регулировании пространственного развития России: постсоветский опыт и современные приоритеты // Балтийский регион. 2022. Т. 14, №4. С. 4–19.
8. Дружинин А.Г., Кузнецова О.В. Муниципальная тематика в общественной географии: геополитический аспект // Муниципальные образования регионов России: проблемы исследования, развития и управления : матер. V всерос. межведомств. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Воронеж, 2022. С. 54–59.
9. Елацков А.Б. Общая геополитика. Вопросы теории и методологии в географической интерпретации. М., 2017.
10. Ильин М.В. Этапы становления внутренней геополитики России и Украины // Полис. Политические исследования. 1998. №3. С. 82–94.
11. Караганов С.А. От не-Запада к Мировому большинству // Россия в глобальной политике. 2022. Т. 20, №5. С. 6–18.
12. Клоев Н.Н. Актуальные изменения на промышленной карте России // Известия Российской академии наук. Сер. географическая. 2020. №5. С. 660–673.
13. Колосов В.А. Критическая геополитика: основы концепции и опыт ее применения в России // Политическая наука. 2011. №4. С. 31–52.
14. Котляков В.М. Географическая наука на пороге 90-х годов // Известия РАН. Сер. географическая. 1990. №4. С. 5–16.
15. Кузнецова О.В. Развитие муниципальной проблематики в государственной пространственной политике России // Региональные исследования. 2022. №2. С.16–24.
16. Кузнецова О.В. «Вторые» города в государственном регулировании пространственного развития // Terra Economicus. 2022. Т. 20, №4. С. 129–140.
17. Лавров С.Б. Геополитика: возрождение запретного направления // Известия РГО. 1993. №4. С. 36–41.
18. Потоцкая Т.И., Сильнича А.В. Состояние географических исследований в современной России // Балтийский регион. 2019. Т. 11, №2. С. 112–135.
19. Проблемы экономической безопасности регионов западного порубежья России : монография / под ред. Г.М. Федорова. Калининград, 2019.
20. Районирование СССР. 1917–1925 гг. М., 1925.
21. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2022 : стат. сб. / Росстат. М., 2022.
22. Саушкин Ю.Г. Географическое изучение сельских населенных пунктов Советского Союза // География населения. Вопросы географии. 1947. Вып. 5. С. 53–66.
23. Тархов С.А. Транспортная освоенность территории // Вестник МГУ. Сер. 5: География. 2018. №2. С. 3–9.
24. Трейвиш А.И. Город, район, страна и мир. Развитие России глазами страноведа. М., 2009.
25. Туровский Р.Ф. Политическая география. М. ; Смоленск, 1999.
26. Тютюнник Е.Г. О феномене географии // Известия РАН. Сер. географическая. 2010. №6. С. 8–18.
27. Шупер В.А. Сибирь как исток национальной идеи // Вопросы географии. 2022. №154. С. 495–523.
28. Lacoste Y. Géopolitique de grandes villes // Hérodote. 2001. №101. P. 3–24.

29. *Cities, War, and Terrorism: Towards an Urban Geopolitics* / S. Graham (ed.). Blackwell Publishing, Malden, Oxford, and Carlton, 2004.
30. *Jackson T.* Paradiplomacy and political geography: The geopolitics of substate regional diplomacy // *Geography Compass*. 2018. Т. 12, №2. P. 1–7.
31. *Lacoste Y.* La géographie, la géopolitique et le raisonnement géographique // *Hérodote*. La géopolitique, des géopolitiques. 2012. №146–147. P. 3–21.
32. *Salukvadze J., Golubchikov O.* City as a geopolitics: Tbilisi, Georgia – A globalizing metropolis in a turbulent region // *Cities*. 2016. Vol. 52. P. 39–54.
33. *Wesley Scott J.* The EU and 'wider europe': toward an alternative geopolitics of regional cooperation? // *Geopolitics*. 2005. Vol. 10, №3. P. 429–454.

Об авторе

16

Александр Георгиевич Дружинин – д-р геогр. наук, проф., Северо-Кавказский НИИ экономических и социальных проблем Южного федерального университета; ведущ. науч. сотр., Институт географии РАН; гл. науч. сотр., Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, Россия.

E-mail: alexdru9@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-1642-6335>

A. G. Druzhinin

MUNICIPAL DEVELOPMENT IN MODERN RUSSIA: A GEOPOLITICAL ASPECT

North Caucasus Research Institute of Economic and Social Problems,
Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia
Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Institute of National Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Received 11 May 2023

Accepted 18 June 2023

doi: 10.5922/gikbfu-2023-2-1

To cite this article: Druzhinin A.G., 2023, Municipal development in modern Russia: a geopolitical aspect, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University*. Series: Natural and Medical Sciences, №2. P. 5–17. doi: 10.5922/gikbfu-2023-2-1.

The modern transformation of the world order and Russia's new place in it, which generates additional problematic situations and challenges for the country, initiate the "municipalization" of approaches both in socio-geographical, regional studies, and in the field of state regulation of spatial development. In the municipal theme itself, at the same time, issues related to geopolitics come to the fore. The article presents general theoretical ideas about the geopolitical aspects of municipal development (with the isolation of their content block directly related to "internal geopolitics"), their inventory and systematization are carried out (taking into account the special role of individual municipalities and their groupings in geopolitical processes, the general trend shift of the focus of political-geographical, socio-economic and ethnodemographic problems to the municipal level, as well as the multidimensional influence of geopolitics on the situation of municipalities). Particular attention is paid to the determinants and problematic situations of municipal development in the Russian Federation in

the context of its sharply aggravated conflict with the "collective West" and the actual transition to geostrategic multi-vector. A conceptual idea of "geostrategic municipalities" is developed, their main typological invariants inherent in modern Russia are characterized.

Keywords: municipalities, spatial development, typology of municipalities, geopolitics, Russia

The author

Prof. Alexander G. Druzhinin, Southern Federal University, Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences, Institute of National Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences, Russia.

E-mail: alexdru9@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-1642-6335>